

Н.И. Николаев

(Санкт-Петербург, Россия)

М.М. Бахтин в 1910-е и 20-е годы: единство пути

У непредубежденного исследователя неизбежно возникает вполне уместный вопрос о внутреннем единстве представленной столь фрагментарно философии М.М. Бахтина конца 1910-х – начала 1920-х гг. И вслед за ним – следующий: как соотносится эта философия М.М. Бахтина с написанными им в совсем ином ключе книгами и статьями второй половины 1920-х гг.?

Уже первые непосредственные свидетельства конца 1910-х гг. говорят нам о М.М. Бахтине как о сложившемся философе, хотя мы вынуждены судить об этом по крохотной статье 1919 г., по упоминаниям его суждений в невельских докладах Л.В. Пумпянского, по обзорам его выступлений в невельской газете «Молот» и по поздним воспоминаниям М.В. Юдиной. Но о происхождении его философии приходится только гадать: виленский кружок гимназистов, объединенных идеей Третьего Возрождения вкупе с культом Вяч. Иванова и Ф.Ф. Зелинского, лекции психолога Н.Н. Ланге в Новороссийском университете, неокантианство (Г. Коген), феноменология (Э. Гуссерль, М. Шелер), религиозно-философское общество и т.д. Но эти и другие контексты никак не сходятся в объяснении генезиса той философии М.М. Бахтина, какая нам отрывочно известна для конца 1910-х гг.

Философия М.М. Бахтина 1920-х гг. столь же труднодостижима, хотя и дошла до нас не только отрывочно, но и в виде книг и статей. Наличие непрерывной с 1919 г. его главной философской линии показывают трактаты «К философии поступка» (1922) и «Автор и герой» (1923–1924), доклады и лекции в записи Л.В. Пумпянского (1924–1925) и суждения о М. Шелере, высказанные во время допроса в начале 1929 г. Сюда же следовало бы отнести и лекции по истории русской литературы в записи Р.М. Миркиной (1922–1927), но они ограничены при всей их открытости темой и

педагогическим заданием. Для заработка М.М. Бахтин пишет осенью 1924 г. статью с критикой формализма и вскоре после этого, судя по его реплике при обсуждении доклада Л.В. Пумпянского о марксизме в декабре 1924 г., приходит к выводу о возможности относительно свободного высказывания в официальной печати в такой автономной области как художественное творчество и его теория. В соответствии с этим выводом М.М. Бахтин начинает развивать идеи статьи 1924 г. в статьях и книгах, изданных под именем друзей. Надо признать, что столь же ограничена данным местом и временем его беспримерная по своей необычности и талантливости книга о Достоевском 1929 г. Именно так, как вынужденно ограниченную, оценил ее сам М.М. Бахтин в разговоре с С.Г. Бочаровым. То есть, во всех этих работах в отличие от главной философской линии речь ведется непрямым словом. Однако главная философская линия непременно присутствует во всех этих работах, изнутри просвечивая каждое не прямое слово. И эта подсветка является тем смысловым регулятором (семантическим оператором), без учета и усвоения которого эти тексты остаются и будут оставаться недоступными для понимания.